

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

ДЕВЯТЫЙ
АНГЕЛ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрации на обложке и в тексте *Екатерины Петровой*

Корсакова, Татьяна.
К69 *Девятый ангел / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2019. — 128 с. — (Полночь. Коллекция мистического романа).*

ISBN 978-5-04-101478-0

Он появился внезапно и назвался ее дядюшкой, хотя до этого дня Юля и не подозревала о его существовании. Он отвез ее в странный одинокий дом, где протяжно скрипят старые половицы, а из оврага неподалеку доносится сладковато-тревожный запах прелых листьев и слышится чей-то почти неразличимый шепот. Кто же знал, что именно ей отведена роль последнего ангела в жуткой коллекции маньяка, убивающего девушек?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101478-0

© Корсакова Т., текст, 2019
© Петрова Е., иллюстрации, 2019
© Оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2019

комнате было душно и пыльно. Отчего-то в осиротевших квартирах запустение наступает фатально быстро. Сколько времени прошло? Месяц? Полтора? А квартира уже забыла одну из своих хозяек. Забыла и не хочет вспоминать, душит пылью, негодуяюще скрипит половицами, укоризненно смотрит десятками черных глаз с маминих картин. Тех картин, которые никто не хотел покупать, потому что они жуткие. И картины из мастерской перекочевывали в квартиру, добавляли еще больше нуара и без того мрачному интерьеру, следили...

Занавесить бы их все. Как соседка тетя Лида занавесила зеркала после маминей смерти. Или развернуть к стене темными лицами, чтобы не смотрели. Но некогда, Макс топчет, нервно переминается с ноги на ногу на пороге гостиной. Ему картины не нравятся еще больше, чем ей. Он бы их сразу сжег. Юля знает, чувствует его злость и неуверенность. И понимает. И не осуждает. Почти...

Да и кто она такая, чтобы осуждать? Никчемная девочка, которая не спасла, не удержала на краю свою маму. Которая слишком поздно вернулась домой, слишком поздно вызвала «Скорую». Которая никому не рассказывала, что творится с ее мамой...

— Малая, ты скоро? — Макс тяжело, с присвистом вздохнул, присел на корточки, хотя мог бы присесть вот на тот антикварный венский стул.

— Почти. — Юля торопливо, не глядя швыряла в рюкзак одежду и личные вещи.

— Сразу бери все, что нужно. По сто раз я мотаться сюда не стану. — Макс рассматривал ободранные носки своих высоких ботинок, на Юлю вообще не смотрел.

Ну и правильно. Кто она такая, чтобы на нее смотреть? До недавнего времени они даже не были знакомы. Да что там знакомы! Юля и понятия не имела, что у ее мамы есть младший брат, а у нее, стало быть, дядя. Маме нужно было умереть от передоза, чтобы Юля познакомилась с Максом...

...Он явился на кладбище — высокий, худой, весь в коже, с черным мотоциклетным шлемом под мышкой. И Юлю из толпы скорбящих и просто любопытствующих выцепил безошибочно, глянул хмуро из-под черных бровей и так же хмуро сказал:

— Привет. Я Макс, твой дядюшка. — На слове «дядюшка» уголки его рта дернулись и взгляд сделался совсем уж неласковым.

Тогда она ему ничего не ответила. Кажется, тогда она даже не поняла, чего хочет от нее этот байкер. Просто кивнула в ответ. Он не стал настаивать, отошел в сторону, но во время всей церемонии прощания находился поблизости, присматривал, а когда Юля, не удержавшись на ногах, едва

не соскользнула в могилу вслед за обтянутым красным сукном гробом, грубо, но решительно поймал за шиворот куртки, потянул на себя.

— Аккуратнее, малая, — буркнул, не глядя ей в глаза. — Не сломай ногу.

С тех пор он так ее и называл — малой. С тех пор во время разговора он не смотрел ей в глаза. Впрочем, сколько их было — разговоров? Юля могла пересчитать их по пальцам одной руки.

Первый вот этот, который на кладбище. Второй, самый длинный, самый содержательный, на поминках. Макс присел к ней за стол. Куртку свою он не снял, а лишь расстегнул, шлем положил на пустующий стул.

— Слушай сюда, малая. — Он повертел в руке рюмку с водкой и поставил на стол нетронутой. — У тебя никого нет. Я знаю, наводил справки.

У нее и в самом деле никого не было, кроме мамы, но даже с мамой она была бесконечно одинока. Так уж вышло, что маму интересовали только ее картины. И наркотики. Так уж получилось...

— И выбор у тебя теперь невелик.

Про выбор она еще не думала. Боялась думать.

— Тебе почти семнадцать, но ты все еще несовершеннолетняя. Понимаешь, малая?

Она понимала, даже кивнула в ответ.

— Детский дом. — Дядюшка Макс рассматривал свои руки. Узкие кисти, тонкие музыкальные пальцы, но все в занозах и мелких ожогах.

Она не хотела в детский дом. Сказать по правде, и жить она тоже не хотела. Или просто не знала как?

— А я ее брат. — Он так и не назвал маму по имени. — Родной брат. Если не веришь, покажу документы.

Она верила. Они были похожи. Ее мертвая мама и живой дядюшка Макс. Сколько ему? На вид тридцать-тридцать пять.

— И у меня к тебе предложение. Ты слышишь меня, малая?

Она слышала, но не хотела слышать.

— В детском доме такой, как ты, делать нечего. — Макс взъерошил густые, давно не мытые волосы. — Сказать по правде, в моем доме тебе тоже нечего делать, но раз уж так вышло...

— Мне не нужна благотворительность. — Кажется, она заговорила первый раз за весь этот долгий и страшный день.

— Никто не говорит о благотворительности. — Макс пожал плечами. — Я говорю о сделке. Ты ведь уже достаточно взрослая, чтобы заключать сделки? — И посмотрел. Очень внимательно посмотрел. У него были пронзительные глаза: ярко-синие, в обрамлении длинных ресниц. Он был бы красив, если бы не эта усмешка. Тридцатилетние парни не должны улыбаться, как столетние старики.

— Что тебе нужно, дядюшка Макс? — спросила и одним махом опорожнила ту самую рюмку водки. Внутри сразу стало горячо и больно. Может быть, ей повезет и эта боль хоть на время заглушит ту, другую. — Квартира?

— У меня есть. И можешь звать меня просто Максом. — На опустевшую рюмку он посмотрел равнодушно. — Мне нужна ты. Год твоей жизни в обмен на опекунство. Заметь, нормальной человеческой жизни. Я не стану тебя контролировать, об этом не беспокойся. Я буду твоим опекуном лишь формально. Зацени перспективы, малая.

Она заценила. Бесконтрольная жизнь всяко лучше жизни в детдоме.

— Покажи документы.

Макс снова усмехнулся, выложил на стол паспорт и пачку фотографий.

— Вот. Твоя мать не меняла фамилию. А это мы в детстве.

В детстве они были красивые и счастливые. Даже не верится, что у мамы вообще было детство. Юле казалось, что у мамы всегда были лишь ее страшные картины, которые никто никогда не покупал.

— Год жизни со мной, а после совершеннолетия ты можешь валить на все четыре стороны.

— Ты извращенец? — Захотелось напиться. Так, чтобы до поросычьего визга, чтобы все-все забыть. Вот и бутылка с водкой. Никогда раньше она не пила водку, но нужно же когда-то начинать.

— Я твой дядя. — В его голосе послышались злость и обида. Этот точно не извращенец, слишком ранимый. Слишком ранимый и слишком красивый. Такой же красивый, как мама. Была... — Уясни это, малая. Я дядя, ты племянница. Не скажу, что любимая, но тут уж как есть. Уяснила?

— Уяснила. — Вторая рюмка уже не обожгла, а лишь согрела. И спать захотелось. Наверное, оттого, что Юля не спала уже почти двое суток.

Она и уснула, прямо там, за поминальным столом. А проснулась в своей квартире, на своей кровати. С чудовищным чувством вины и головной болью. В ванную она шла по стеночке, а когда дошла, увидела Макса. Он сидел за столом на кухне, перед ним дымилась чашка кофе. Мамина любимая чашка...

— Очухалась? — спросил он вместо приветствия.

— Это мамина чашка.

Макс пожал плечами, встал из-за стола, достал из шкафчика другую чашку, перелил в нее кофе.

— Так лучше?

Лучше не стало. Стало только хуже. И даже горячий душ не принес облегчения. И даже чашка свежесваренного кофе, которую Макс сунул ей в руки.

— Наш договор в силе? — спросил он скучным голосом.

Не было никакого договора, но что она теряет? Что держит ее в этом огромном городе?

— В силе.

— Хорошо. — Он встал из-за стола. — Мне потребуется месяц, чтобы оформить все документы. Через месяц я тебя заберу. Я забил свой номер в твой телефон. Если что-то потребуется, звони. Если что-то по-настоящему важное.

Сказал и вышел из квартиры. Словно и не было никакого дядюшки Макса... Тогда Юля испугалась почти так же сильно, как после смерти мамы. Подумалось, что он тоже больше никогда не вернется — этот чужой, но родной по крови человек. Он не вернется, а она останется совсем одна. Теперь уже навсегда.

Но Макс вернулся, как и обещал — через месяц. Выложил перед Юлей кипу документов, сказал:

— Я все сделал, малая, собирайся!

А сам остался сидеть на корточках на пороге.

* * *

Юля собралась быстро. Оказывается, она ничего не нажила за свои почти семнадцать лет. Оказывается, ей нечего забирать, кроме одежды, книг и ноутбука. Ну, так уж вышло.

Макс ездил на огромном черном байке, таком же мрачном и таком же обшарпанном, как и вся его экипировка.

— Надень вот это! — Он протянул Юле шлем. Не свой — другой, явно рассчитанный на женскую голову. Ей даже показалось, что шлем пахнет духами. Чем-то тонким, нежным, едва уловимым. — Держись крепко. И да, ехать нам долго, поэтому приготовься. Понадобится остановка, похлопай меня по плечу.

Они и в самом деле ехали долго, наверное, часов пять. Или вернее сказать, не ехали, а летели? Но Юля не боялась. Ее никогда не пугала скорость. Вот глубина и темнота пугали, а скорость — нет. Макс сбросил скорость лишь на подступах к городу. Да не городу, а маленькому сонному городишку, который сначала сошел бы за большую деревню, но постепенно преобразился, выдвинул на передовую уже не вросшие в землю деревянные халупы, а аккуратные двухэтажные домики из красного кирпича. Это была старая типовая застройка с палисадниками, с великами и детскими колясками на подъездных дорожках. Подумалось вдруг, что вот в таком домике, утопающем в кустах сирени и жасмина, у нее бы, наверное, получилось начать жить заново. Но байк Макса промчался мимо. Он черной стрелой пересек городскую площадь с комплексом трех- и двухэтажных административных зданий и снова ворвался в сонную тишину пригорода. Сначала пригорода, а потом, кажется, и загорода. Здесь деревянные домики больше не лепились друг к другу, как ласточкины гнезда, здесь появился простор и размах. А еще поросшие лесом холмы и овраги. Красиво. Если бы Юля умела писать картины, она бы писала пейзажи. Вот прямо тут и писала бы...

Этот дом был самым крайним. И не поймешь, находится ли он все еще на окраине городского парка или вокруг уже настоящий лес. Этот дом был старым. Новой в нем казалась

лишь черепичная крыша. А все остальное... Все остальное следовало изучить повнимательнее.

— Приехали.

Макс заглушил мотор, пока Юля возилась со своим рюкзаком, распахнул скрипучую калитку, закатил мотоцикл во двор.

Наверное, когда-то очень давно это место можно было считать двором, а сейчас оно поросло бурьяном высотой в Юлин рост, в зарослях которого была протоптана или вырублена мачете тропинка к покосившемуся, обшарпанному крыльцу. На крыльцо Макс ступил без страха, сунул ключ в замочную скважину дубовой двери. Дверь тоже была старой, но прослужить могла еще не один десяток лет. А вот окна, затянутые паутиной, давно не мытые, в растрескавшихся деревянных рамах, заменить стоило бы еще в прошлом веке. Окна заменить, дом снести... Этот дом, родовое гнездо, казался умершим много лет назад. Не дом, а труп, который бросили догнивать на краю оврага, а он все никак не мог разложиться, все никак не исчезнет с лица земли.

Откуда взялось это ощущение, Юля не знала. Наверное, из-за усталости. А еще из-за обманутых ожиданий. Что ни говори, а домик из красного кирпича казался ей куда предпочтительнее. Даже собственная квартира представлялась ей теперь не такой мрачной.

— Всего год. — Макс толкнул дверь, и та со скрипом распахнулась. — Всего год, и ты свободна, как ветер!

— Это твой дом? — спросила она в его обтянутую кожей курткой спину. И спина эта вдруг замерла, напряглась.

— Это наш дом, — ответил он, но не сразу, а после недолгой паузы. — Входи!

Внутри пахло пылью и сухими травами. Как на сеновале. Юля никогда не бывала на сеновале, но отчего-то была